

Жэнь Хунюнь

Жэнь Хунюнь, аспирант Забайкальского государственного университета (Чита, ул. Александровская, 30), e-mail: 553791175@qq.com

Научный руководитель: **Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук Забайкальского государственного университета (Чита, ул. Александровская, 30), e-mail: m-liga@inbox.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время проблема смены парадигмы самоидентификации молодых людей на территории бывшего СССР считается одной из самых важных тем социологии и социальной психологии. После распада Советского Союза появились независимые национальные государства, сильно поменялась геополитическая обстановка, а глобализация активно меняет повседневную жизнь людей – всё вместе это породило явление, которое учёные называют «кризис идентичности» [1], и молодое поколение чувствует этот разрыв старых ценностей острее всего.

Студенты – это самая подвижная группа населения, их взгляды на то, кем они себя считают, напрямую определяют, как общество будет развиваться дальше [2]. В переходных условиях постсоветских стран старые социальные границы потеряли смысл, поэтому строить новое понимание собственной

принадлежности получается сложно, часто возникают внутренние противоречия.

В данной работе мы ставим простую, но важную задачу: найти общие закономерности и отдельные региональные особенности того, как меняется идентичность студентов в постсоветском пространстве, опираясь на реальные социологические данные разных лет. В ходе анализа были выделены главные факторы, которые формируют гражданскую, национальную и региональную самоидентификацию молодёжи, сравниваем ситуацию в России, Беларуси и Таджикистане за период 2006–2024 гг.

Исходя из проведённых расчётов, было сделано несколько ключевых выводов. Во-первых, на восприятие собственной принадлежности влияют следующие факторы: геополитическое положение конкретного региона, тип высшего учебного заведения, сохранение местных народных традиций и уровень качества жизни населения. Во-вторых, у белорусских студентов и молодёжи Калининградской области заметно растут проевропейские настроения, а в национальных республиках РФ всё сильнее проявляется этническая самоидентификация. В конце статьи мы обосновываем, почему государству и образовательным учреждениям необходимо постоянно вести системную работу, чтобы формировать здоровую гражданскую идентичность среди молодёжи.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, студенческая молодёжь, постсоветское пространство, региональная идентичность, сравнительный анализ.

Ren Hongyun

Ren Hongyun, postgraduate research student of the Transbaikal State University, (30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita), e-mail: 553791175@qq.com

Research supervisor: **Liga Marina Borisovna**, Doctor of Social Sciences of the Transbaikal State University (30, Alexandro-Zavodskaya St., Chita), e-mail: m-liga@inbox.ru

GEOGRAPHICAL CHANGE AND IDENTITY RECONSTRUCTION: A COMPARATIVE STUDY OF YOUTH IDENTITY IN THE POST- SOVIET SPACE

The transformation of youth identity across the post-Soviet space remains a core research topic within modern sociology and social psychology, which all scholars focusing on youth research can easily recognize. The collapse of the USSR led to the establishment of new sovereign nation-states, drastic shifts in geopolitical landscapes, and widespread globalization. These combined factors triggered the so-called "identity crisis", a social phenomenon that impacts young generations most profoundly.

University students constitute the most socially mobile demographic cohort. Their self-identification preferences directly shape the long-term evolutionary trends of society. Within post-Soviet transitional contexts, traditional social boundaries have lost their normative value, making the construction of new identity frameworks a complex, contradictory process.

This study targets a clear research objective: to summarize universal patterns and region-specific characteristics of identity transformation among post-Soviet student youth through comparative empirical sociological data analysis. It examines driving factors and evolutionary trajectories of civic, ethnic and regional identity by synthesizing cross-regional survey data collected in Russia, Belarus and Tajikistan from 2006 to 2024.

Empirical analysis yields core research findings. First, primary determinants shaping individual identification processes include regional geopolitical positioning, institutional type of higher education, inheritance of indigenous cultural traditions and regional living standards. Second, Belarusian and Kaliningrad student groups demonstrate rising pro-European value orientations, whereas ethnic self-awareness intensifies within Russia's national republics. The paper substantiates the necessity of sustained, targeted institutional interventions to foster cohesive civic identity among young populations.

Key words: identity, civic identity, national identity, student youth, post-Soviet space, regional identity, comparative analysis.

На основании проведённого анализа современных социологических публикаций можно отметить, что тема трансформации идентичности в постсоветском пространстве не выходит из топа актуальных направлений исследований. Это объясняется следующими причинами. Развал СССР разрушил единую систему ценностей, которая объединяла все республики на протяжении десятилетий. Каждая бывшая советская страна стала самостоятельным государством, внешняя политика соседних держав поменялась, а глобализация открыла молодёжи доступ к совершенно другим культурным моделям. Все эти процессы вместе создали состояние разрыва, которое учёные классифицируют как кризис идентичности [1]. Становится понятным, почему подростки и студенты реагируют на такие перемены гораздо острее, чем взрослые люди с уже сложившимся мировоззрением.

Студенческая молодёжь – это не просто отдельная возрастная группа. Это социальная прослойка, которая быстрее всех усваивает новые идеи, путешествует по разным городам, общается с представителями других этносов и постоянно переосмысливает своё место в обществе [2]. То, как студенты отвечают на вопрос «Кто я?», определяет, по каким правилам будет строиться общество через десять, двадцать лет. В постсоветских странах старые социальные категории потеряли прежнюю значимость, поэтому поиск собственной принадлежности превращается в долгий, конфликтный процесс.

Цель настоящей работы достаточно чёткая: на основе большого массива эмпирических опросов разных лет выявить общие тенденции смены самоидентификации студентов, а также отметить особенности, характерные для отдельных регионов и стран бывшего СССР. Для достижения данной цели мы используем метод сравнительного анализа социологических данных, собранных в России, Беларуси и Таджикистане за период с 2006 по 2024 г.

В основе нашего анализа лежит теория социальной идентичности, разработанная двумя западными учёными – Генри Тэджфелом и Джоном Тернером [3]. Если простыми словами описать суть этой концепции: человек формирует понимание себя через сравнение с разными социальными группами, к которым он относится. Все те качества, которые он связывает с принадлежностью к определённой общности, складываются в его социальную идентичность. Данный теоретический подход стал базой для большинства современных исследований молодёжной самоидентификации, поэтому мы опираемся на него при интерпретации всех полученных данных.

Также важную роль играют положения социального конструктивизма. С точки зрения этого направления идентичность не является чем-то врождённым, постоянным. Наоборот, это результат целенаправленного формирования через культурные символы, исторические нарративы и повседневные социальные взаимодействия [4]. Основными институтами, которые занимаются конструированием идентичности каждого человека, являются: семья, система образования и средства массовой информации. Каждый из этих агентов по-своему влияет на то, как молодой человек воспринимает свою гражданскую, этническую и региональную принадлежность.

Для ясности дальнейшего анализа сразу закрепим определения ключевых терминов, которые мы используем в статье.

Гражданская идентичность – это осознание принадлежности к конкретному государству. Она включает: знание истории и современной политики страны, эмоциональную привязанность к ней, понимание гражданских прав и обязанностей, принятие общегосударственных ценностных норм.

Национальная (этническая) идентичность – это самоотождествление с этнической общностью. В её состав входят: знание родного языка, понимание собственных культурных традиций, ощущение связи с

исторической территорией проживания, эмоциональная гордость за свой народ и готовность учитывать его интересы в личных решениях.

Для того чтобы наши выводы не были абстрактными, мы собрали и проанализировали результаты пяти крупных межрегиональных социологических опросов, проведённых разными исследовательскими группами за последние двадцать лет. Кратко опишем каждый источник эмпирических данных:

Мониторинговое исследование «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодёжи» под руководством доктора социологических наук В.И. Филоненко. Опросы проходили в 2006, 2011 и 2016 гг. в вузах Ростовской области и других субъектов Российской Федерации, общая выборка составила 3900 респондентов [2]. Этот массив позволяет отследить долгосрочную динамику самоидентификации российских студентов.

Работа Г.И. Кичева 2016 г., посвящённая сравнению моделей идентичности белорусских и российских студентов [1]. Данные помогают выявить различия между двумя славянскими постсоветскими государствами.

Исследование О.В. Ладыгиной и Н.В. Поповой (2024). Авторы опрашивали студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета в Душанбе и Уральского федерального университета в Екатеринбурге, общая выборка насчитывает 140 человек [5]. Благодаря этому мы можем сопоставить взгляды молодёжи Центральной Азии и европейской части России.

Исследование Д.Н. Филиппова, опубликованное в 2025 г. Объектом стали студенты арктических высших учебных заведений: Северо-Восточного федерального университета (Якутск), Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск) и Мурманского арктического университета, выборка – 441 респондент [6]. Данные раскрывают специфику региональной арктической идентичности, которая до недавнего времени мало изучалась.

Опрос И.С. Карся 2009 г. среди студентов Московского педагогического государственного университета и Калининградского государственного университета [7]. Этот материал уникален, потому что сравнивает молодёжь столицы и анклавного региона с особыми геополитическими условиями.

Основной инструмент сбора первичных данных во всех перечисленных проектах – стандартизированное анкетирование. Дополнительно исследователи использовали набор качественных методик: тест «20 высказываний» М. Куна и Т. Макпартленда, семантический дифференциал, шкалу социальной дистанции Э. Богардуса и методику незаконченных предложений. После сбора анкет все данные обрабатывались комплексно: применялся контент-анализ ответов на открытые вопросы и статистические проверки значимости различий (t-критерий Стьюдента, критерий хи-квадрат).

Если посмотреть на общие цифры по российским вузам, картина достаточно интересная: показатель осознанной гражданской идентификации медленно снижается за десять лет: с 62% в 2011 г. до 60,3% в 2016 г. [2]. При этом сразу видна разница в зависимости от места проживания студента, что легко заметить при разборе выборки. В мегаполисах доля молодёжи, которая в первую очередь считает себя гражданином России, составляет всего 54%. В малых и средних городах этот показатель поднимается до 60,4%, а среди студентов из сельской местности – достигает 68,5% [2].

Это объясняется достаточно просто. В крупных городах социальное неравенство ощущается гораздо ярче, молодые люди постоянно контактируют с представителями государственных институтов, видят все недостатки системы. Также в мегаполисах существует больше вариантов неформального гражданского участия, поэтому молодёжь чаще критикует государство и отодвигает гражданскую принадлежность на второй план. В сельской местности традиционная привязанность к государству сохраняется сильнее, социальные конфликты проявляются менее остро.

Ещё один важный фактор, который влияет на уровень гражданской идентичности, – профиль высшего учебного заведения. Студенты сельскохозяйственных вузов демонстрируют самый высокий показатель осознания гражданской принадлежности – 77%. У студентов инженерно-технических направлений цифра ниже – 61,1%, а у молодёжи гуманитарных и естественно-научных специальностей минимальная, всего 55,9% [2]. Объяснение кроется в специфике образовательной программы: аграрные вузы активно транслируют консервативные традиционные российские ценности, характерные для сельских территорий, поэтому гражданская самоидентификация формируется там более устойчиво.

Между регионами России также наблюдаются кардинальные различия. Максимальный уровень гражданской самоидентификации зафиксирован у студентов Кубани, показатель доходит до 81,8% [2]. Этому есть объективная причина: социально-экономическая обстановка на юге России остаётся стабильной, уровень безработицы ниже среднего по стране, поэтому молодёжь чувствует поддержку от государства. Совершенно другая ситуация складывается в национальных республиках, например, Калмыкии и Адыгее. Там возникает явный конфликт между этнической и гражданской идентичностью. Почти половина студентов КалмГУ (47,2%) и треть респондентов АГУ (33,3%) в первую очередь выделяют свою национальную принадлежность, а показатель гражданской самоидентификации здесь самый низкий по всей выборке [2].

В среднем по всем опрошенным только 20,6% молодых людей ставят этническую принадлежность на первое место в своей системе самоидентификации. Но следует отметить важный момент: данный показатель стабильно растёт на протяжении всего периода наблюдений. По вузам Ростовской области доля студентов с доминирующей национальной идентичностью поднялась с 6,0% в 2011 г. до 17,4% в 2016 г. [2]. Эта динамика отражает общую тенденцию усиления этнического самосознания

во всех постсоветских государствах, которую фиксируют все современные социологические мониторинги.

Если рассматривать эмоциональную составляющую национального самоопределения, здесь можно проследить негативную динамику, которая вызывает беспокойство исследователей. Доля студентов, испытывающих гордость за свою этническую принадлежность, снизилась с 76,6% в 2006 г. до 70,8% в 2016 г. [2]. Одновременно растёт число тех, для кого национальность не является важной характеристикой личности: с 11,2 до 13,8%. Также увеличилась доля молодёжи, которая не может чётко описать свою национальную идентичность, – с 5,9 до 7,9% за десять лет наблюдений [2].

При сравнении значимости двух видов самоидентификации – гражданской и национальной – мы подтверждаем приоритет общегосударственной принадлежности. Для многонационального российского общества гармоничная интеграция всех этносов возможна только при доминировании единой гражданской идентичности. Этническая самоидентификация должна выступать как дополнительная, а не как альтернативная характеристика личности.

Калининградская область – это отдельный случай для изучения из-за своего географического положения как российского анклава, окружённого странами Евросоюза. Исследование И.С. Карася показало, что кризис идентичности у калининградских студентов выражен намного сильнее, чем у молодёжи Москвы [7]. В тесте «20 высказываний» у респондентов из Калининграда преобладают субъективные личностные описания (14,1 пункта против 11,2 – у москвичей), а социальные групповые характеристики упоминаются редко. Доля ответов, классифицируемых как индикаторы кризиса самоидентификации, составляет 28,3% у местных студентов против 14,6% – у столичной молодёжи [7].

Если простыми словами описать состояние калининградской молодёжи: они чувствуют близость к жителям своего города и представителям своей национальности, но одновременно не ощущают

глубокой связи ни с остальной Россией, ни с Европой. Это формирует ярко выраженную локальную региональную идентичность [7]. При этом проевропейские настроения здесь доминируют: 55,91% студентов поддерживают ориентацию на Евросоюз, а только 3,97% выбирают пророссийскую позицию [1].

Похожая тенденция фиксируется и среди белорусских студентов. В опросе Г.И. Кичева ни один респондент не планировал продолжать обучение в российских вузах, основная часть молодёжи ориентирована на высшие учебные заведения стран Балтии и Евросоюза [1]. Для белорусов общая славянская корневая связь с русскими перестала быть главным объединяющим фактором, только 29,1% молодёжи выделяют её, тогда как у российских студентов этот показатель равен 64,3% [1]. Более важными для белорусов являются: общая христианская религия (25,8%) и схожесть психологических черт характера (25,5%). Данные цифры подтверждают процесс поиска собственной национальной идентичности и постепенный отказ от единой советской наднациональной самоидентификации [1].

Работа Д.Н. Филиппова 2025 г. открывает новую перспективу изучения региональной идентичности – формирования арктического типа самоидентификации у студентов северных вузов [6]. Молодёжь Мурманска, Архангельска и Якутска всё чаще называет себя «жителями Арктики», за пять лет количество таких ответов среди мурманских студентов выросло на 13%. Основное восприятие Арктики у респондентов связано с географическими особенностями территории, а не с этническими или политическими факторами [6].

Мы выявили прямую зависимость между качеством жизни в северном регионе и позитивной арктической самоидентификацией молодёжи. В Мурманске индекс человеческого развития выше, поэтому почти половина студентов (46,5%) описывает жизнь в Арктике как интересную, насыщенную событиями [6]. Напротив, молодёжь Якутска и Архангельска чаще высказывает недовольство высокой стоимостью товаров и услуг, сложными

суровыми климатическими условиями, поэтому их отношение к собственной региональной принадлежности менее позитивное.

Сопоставление результатов опросов в России и Таджикистане показывает кардинальные различия в структуре самоидентификации молодёжи двух стран [5]. У российских студентов доминирует гражданская идентичность, они демонстрируют активную общественную позицию, интересуются политикой и государственными процессами. Для таджикской молодёжи первоочередное значение имеют примордиальные компоненты самоидентификации: семейные связи, гендерные роли и религиозная принадлежность, а осознание себя как гражданина государства выражено слабо [5].

Интересный момент, который бросается в глаза при обработке ассоциативных тестов: 32% российских студентов самостоятельно упоминали понятия, связанные с религией, в то время как среди таджикских респондентов таких только 16% [5]. При этом исследователи отмечают, что религиозная идентичность у таджикской молодёжи является латентно значимой, просто они не озвучивают её в открытых ответах. Этот контраст доказывает, что механизмы конструирования собственной принадлежности сильно различаются в разных социокультурных контекстах постсоветского пространства.

По итогам проведённого сравнительного эмпирического анализа можно сформулировать пять ключевых выводов, которые отвечают на задачи настоящего исследования.

Трансформация студенческой идентичности на территории бывшего СССР идёт разнонаправленно. Старая унифицированная советская самоидентификация постепенно отходит на второй план, её заменяют три основные модели: этноцентрическая, региональная и проевропейская. Как отмечает Н.М. Лебедева, современный поиск идентичности сменил старую потребность в самоуважении на потребность в осознании смысла собственной жизни [8].

Основными детерминантами всех процессов самоидентификации являются четыре группы факторов: геополитическое положение региона, социально-экономическая стабильность территории, профиль высшего учебного заведения и степень сохранения местных национальных культурных традиций.

В территориях с особой геополитической обстановкой (анклав Калининград, пограничная Беларусь) формируется яркая локальная региональная идентичность, сопровождающаяся проевропейскими ориентациями и постепенным дистанцированием от общесоветской и общерусской системы ценностей.

В российских национальных республиках наблюдается постоянное усиление этнической самоидентификации, что часто создаёт внутренний конфликт с общегосударственной гражданской принадлежностью. Исходя из этого, основное направление воспитательной работы с молодёжью должно быть направлено на укрепление единой гражданской идентичности.

Исследование арктической молодёжи подтвердило появление совершенно нового вида регионального самосознания. Его формирование напрямую зависит от качества жизни на территории и эмоционального восприятия родного региона как «малой Родины».

Все полученные нами эмпирические данные подтверждают необходимость постоянной целенаправленной системной работы государственных и образовательных институтов по формированию гармоничной гражданской идентичности среди молодёжи. При организации такой деятельности важно учитывать региональную специфику каждого субъекта, чтобы грамотно сочетать три составляющие самоидентификации: гражданскую, национальную и региональную. Что касается перспектив дальнейших исследований: в следующих работах необходимо глубже изучать жизненные планы и социальные стратегии молодёжи, дополняя количественные опросы качественными исследовательскими методами (глубинные интервью, фокус-группы).

Список источников

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. Деточенко, Л.С., Филоненко, В.И. Факторы трансформации самоидентификации студенческой молодежи // Logos et Praxis. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 115–124.
3. Карась, И.С. Влияние социокультурных особенностей региона на формирование социальной идентичности молодежи. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 152 с.
4. Кичев, Г.И. Трансформация моделей идентичности студентов Беларуси // Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 71–78.
5. Ладыгина, О.В., Попова, Н.В. Структура идентичности студенческой молодёжи России и Таджикистана // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 2(484). – С. 64–70.
6. Лебедева, Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 48–58.
7. Филиппова, Д.Н. Студенты университетов Арктики: арктическая самоидентификация // Вестник университета. – 2025. – № 9. – С. 231–242.
8. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations. – Chicago, 1986. – P. 7–24.